

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

МУЗЫКАНТ

Олег Нестеров: Я мастер невстреч

Лидер «Мегаполиса» — о своих сожалениях и пользе внутреннего компаса

ПАВЕЛ КАТАЕВ

Интервью с Олегом Нестеровым выпало на день после релиза альбома *zerolines*. «Приквел того, что группа играет в XXI веке» настоялся до отдельного альбома только теперь, и Пермь оказалась в числе первых городов, получивших возможность заглянуть под обложку. В разговоре с «Новым компаньоном» за пару часов до концерта в ресторане «Партизан» лидер группы «Мегаполис» рассказал о новом альбоме, четырёх путях художника, а также об эхе «Белых ночей» и планах поехать в Петербург ради концерта *MusicAeterna*.

Олег Нестеров и его единомышленники, участвовавшие ещё в Московской рок-лаборатории, стали в последние годы пионерами синтетических музыкальных форм на российской сцене. «Из жизни планет» — это одновременно двойной альбом, сайт и спектакль, посвящённые неснятным фильмам 1960-х годов. *Zerolines* — арт-проект, московская презентация которого пройдёт под куполом планетария. Утерянное звено в эволюции группы, «эпизод ноль» — так Нестеров говорит о пластинке, родившейся из давних черновых записей и ждавшей своего часа 15 лет.

— Ощущаете ли вы дистанцию между временем, когда появлялись наброски, и нынешним этапом существования группы? Насколько этот период был необходим музыке для «вызревания»?

— Я называю этот период великой музыкальной аскезой для «Мегаполиса». Мы молчали 14 лет и не выдали на-гора ничего, кроме двух синглов: «Всё не кончается старость» и «Где цветы?». Мы с Михаилом Габолаевым занимались продюсированием, то есть музыка в нашей жизни была, мы день за днём находились в студии, сидели в креслах и пропускали эту энергию через себя, помогая молодым и талантливым.

Эта великая музыкальная аскеза потребовала от нас некой музыкальной практики. Если бы не было *zerolines*, «Мегаполис» бы наверняка сейчас не было. Если бы мы сами не забирались вечерами в студию, чтобы поиграть вместе, если бы не случались эти погружения, требовавшие двух-трёх часов в неделю, не было бы нашей дальнейшей истории. Вполне возможно, что без этого дополнительного витка, вдохновения, которое дал нам *zerolines*, «Мегаполис» остался бы в XX веке.

— Альбом *zerolines* кажется сосредоточенным на самом себе, будто пытающимся спрятаться от тяжёлого внешнего давления. Созвучен ли такой эффект тому, что чувствовали вы сами?

— Эта музыка действительно находится в отрыве от времени, от «здесь и сейчас». Эту музыку, как я говорил прежде, пропустили через себя тысячелетние

музыканты, которые сидят внутри каждого из нас. Поэтому получился такой оторванный от сиюминутности результат. Это вечная музыка, вечная гармония сфер. Она просто проявилась, как на фотографии, вошла в наш реальный мир и была восстановлена в новейшей истории. Все эти 15 лет мы любовались этими отпечатками, но у нас не совсем получалось донести это миру.

Всё пришло к нам почти в готовом виде. Не было только барабанов. Мы музиковали под ритм-машину. Эта музыка может звучать без барабанов, и долгое время я её так и воспринимал. Но через восемь-девять лет мы встретили одного «тысячелетнего» барабанщика, который всё это впустил во время нескольких наших сессий. Плюс появился тот «тысячелетний», который смог спеть всё, а прежде дремал во мне. Я потерял свой голос, и альбом «Гроза в деревне», за исключением двух песен из него, спел голосом чужим. До сих пор не могу слушать этот альбом.

На альбоме «Супертанго» «тысячелетний» обрёл свой голос внутри меня. Тогда всё сошлось, и мы могли бы выпустить нынешний альбом ещё в 2011 году, если бы не «Из жизни планет». *Zerolines* в нужном состоянии был готов именно тогда. Скорее всего, музыка перешла в такой финальный буфер, как вино, которое должно постоять в специальном графине, чтобы затем можно было разлить его по бокалам.

— Год назад в интервью журналу *Rolling Stone* вы упомянули Пермь в качестве примера заметных перемен к лучшему, обобщив ваши наблюдения так: «Только культурное событие может быть точкой отсчёта для изменений — ничего больше. Может ли культура, напротив, спровоцировать упадок в обществе?

— Культура с маленькой буквы может это спровоцировать. Например, «сиротская» песня Андрея Разина, которую он привил всей стране. До этого вся страна через систему подпольной звукозаписи была, что называется, в тренде и нормально потребляла музыку в духе *Genesis* и все другие новинки. Потом всё куда-то делось — осталась одна «сиротская» песня, которая потом плавно перетекла в бандитскую.

Современная сеть наводит фокус на каждого из нас, например, в поисковиках. Если вы зайдёте в «Яндекс» и забьёте какое-нибудь слово на своём компьютере и на чужом, то получите два совершенно разных результата. Поэтому вы видите мир с одной стороны. Все музыкальные сервисы подсовывают вам определённую музыку — в этом есть правда, но нет поводов для развития. Этот эффект описала Юлия Стракович в своей книге «Цифролюция». Что случилось с музыкой в XXI веке». Культура с маленькой буквы или её отсутствие выбивают табуретку, и в жизни наступает упадок, тёмные века, забвение.

— Вы не раз бывали в нашем городе прежде, на фестивале «Белые ночи», форуме «Пилорама». Сегодня нет ни того, ни другого проекта. С какими событиями или явлениями ассоциируется у вас Пермь в последнее время?

— В последнее время я не так часто сюда приезжаю. Последний раз мы были в Перми летом 2015 года. Сейчас, пока я ехал по городу, пристально наблюдал, но ещё не могу ничего сказать. Я говорил в одном интервью, что, приехав однажды на «Белые ночи», я увидел изменения, пришедшие от культуры, в улыбках людей, в заборах, в остановках, в том, как стали по-другому (чуть-чуть, но по-другому) выглядеть вывески. Я ещё не гулял по городу, поэтому на

ваш вопрос мне пока нечего ответить, я не знаю...

А нет, я знаю! Здесь есть Курентзис и его оркестр, на который ломится вся Москва и на который я поеду в Питер. Они будут играть там Прокофьева. И фестиваль ваш знаменитый, конечно.

Даже фигура «П» стоит, как бы к ней ни относились, и естественным образом страсте... Я рассуждал по этому поводу сегодня. У меня есть ощущение, что и «Белые ночи», и то, что сделано за тот короткий период, — всё это не зря. Это прививка, которая была сделана городу, и теперь Пермь развивается естественным для себя образом. У меня нет оснований сравнивать город сегодня с тем городом, в который я приезжал 15 лет назад.

— В прошлом году в интервью радио «Свобода» вы сказали: «Чем больше на тебя окружающая среда давит, тем и давления в тебе больше. И ты его фокусируешь на свой результат». Что делать, если система начнёт давить на предельном уровне, станет перемалывать?

— В эпиграфе моего второго романа «Небесный Стокгольм» есть простой ответ. Бродский в беседах с Соломоном Волковым сказал, что система может уничтожить нас только физически. Если она уничтожает нас как сущности, это говорит о нашей слабости и хрупкости. Когда система начинает подобную работу, она выступает в качестве фильма, выбраковывая те сущности, кото-